

"Итак, мой оппонент - трус".

Толпа в бревенчатых креслах нагрелась после того, как беглый китайский язык Котакириджиро вышел очень легкомысленно!

Хотя этот "трус" не был направлен на толпу, это было похоже на обращение к ним.

Это был позор.

Это был позор, который не смогли вынести боевые художники на бревенчатых стульях.

Но что, если они не вынесут позора?

Норифа, который временно представлял мир боевых искусств Цуньден, не явился вовремя на арену боя, не выполнил своего обещания бороться с Одагириджиро, и не дал объяснения всем, кто был на площади Цзянань в данный момент.

Кифа, трус.

Цунден Будо, то есть, наступает на карате.

Это был бесспорный факт.

Неко?

Куратор, который чуть не сломал ему спину, посмотрел на Хон Шаогона с издевкой и насмеялся: "Разве не говорил какой-нибудь китаец, что Эр Ланг Цзюнь... Вам нужны результаты, чтобы решить, кто сильнее, чем Ки Жир-кун? Итак, теперь результат на выходе?"

Дюймовоголовый боец каратэ, который был не в ладах с Кифой, указал на мужчину средних лет в костюме на бревенчатом стуле и неявно сказал: "Адвокат готов". Два отказа пришли для Дзиро-куна и Кифа-куна, чтобы заполнить их. Но теперь кажется, что в этих двух отказах больше нет необходимости".

Его китайцы были немного сломлены, но толпа все еще могла это понять.

Люди были в ярости!

Сюн Чжигао был в ярости: "Малыш, не будь слишком высокомерным, давай поспоримся, если сможешь?"

Дюймовая рука каратэ с презрением посмотрела на кость Сюн Чжи Гао, разбившую правую руку и чихнула: "Если у тебя еще есть возможность снова сражаться, то я Не против поспориться с тобой. Просто я не издеваюсь над инвалидами".

Слова дюймовой руки каратэ привели Сюн Чжигао прямо в огонь и чуть не бросили его.

Хон Шаогон остановил его.

В глазах Хон Шаогона было разочарование, но было и упорство.

Хон Шаогон встал с круглого деревянного стула и шагнул вперед, привлекая внимание толпы.

"Кто этот человек? Почему он пришел?"

"Может, этот человек и Кифа, но Кифа, похоже, не выглядит так."

"Чего хочет этот человек?"

Хун Шаогун бросился на Сяотянь, который все еще сидел на коленях.

Чеджиро изогнул руку и сказал: "Хон Шаогон, благодаря похвале и любви моих друзей в этой отрасли, мне посчастливилось занять пост президента Ассоциации боевых искусств Цутенского королевства". Два дня назад я встретился с Кифой. Я не знаю, куда он пошел, но я знаю, что сегодняшнее сражение не может представлять ни китайское боевое искусство, ни японское каратэ, но оно может представлять собой Достоинство общины Ютена Будо и достоинства вашей фракции. Ты хочешь исправить имя каратэ своей фракции, победив Кифу, а мне нужно исправить имя Цуньден Будо. Если Чжи Фа не придет, я буду драться с тобой".

Когда Хон Шаогон сказал это, на арене поднялся шум.

Несколько дней назад, когда Одагириджиро один за другим бросал вызов признанным мастерам боевых искусств в Цутене, люди подумывали о том, чтобы президент Национальной ассоциации боевых искусств Цутена сражался с Одагириджиро.

Просто в то время у Хон Шаогона были срочные дела за границей, и он не мог вернуться на некоторое время. Когда Хун Шаогон вернулся в город Цутэнь, чтобы услышать, что Одагириджиро покалечил девять будоистов Цутэня и захотел сразаться, Кифа вернулся.

Хотя Кифа вернулся, обещанная дата первой битвы не наступила, что в крайнем случае было разочаровывающим.

Однако, если бы Хон Шао-кун сражался с Одагириджиро, хотелось бы на это посмотреть.

Хотя бой между Хон Шао-куном и Котакириджиро был не таким увлекательным, как бой между Ки Фа и Котакириджиро, люди были счастливы увидеть эту более захватывающую сцену боевых искусств, чем фильм.

Как раз тогда, когда люди думали, что Кифа не успел появиться, чтобы еще раз показать захватывающую картину боевых искусств, Одагириджиро медленно поднял голову, он равнодушно посмотрел на Хон Шаогона и сказал: "Ты слишком слаб".

Это заявление Одагириджиро мгновенно взбудоражило огонь в сердцах людей!

Ты слабак!

Насколько унижительны эти три слова?

Как президент Национальной ассоциации боевых искусств города Цзиньтянь, Хунг слишком слаб!

Как Одагириджиро посмел смотреть на Хунга свысока!

Хон Шаогон сузил глаза и не нападал, а просто сказал: "Если ты хочешь принести пользу жизни и смерти страны, как можно избежать катастрофы? Природа битвы далека от национального интереса, но так как Кифа не пришел, я не могу избежать того, что должно было прийти. Битва. Независимо от того, считаешь ли ты меня сильным или нет, всегда есть борьба за то, чтобы узнать, кто сильнее".

Одагириджиро взглянул на Хон Шаогона и безразлично сказал: "Ты правда хочешь драться?".

Хон Шаогон кивнул "Верно".

Одагириджиро встал, случайно покачал плечами и сказал: "Если хочешь драться, то дерись случайно".

"Случайный бой?"

Хон Шаогон посмотрел на деревянный ринг позади Одагириджиро и нахмурился: "Не пойдешь туда драться?".

Одагириджиро прямо сказал: "Бить тебя не обязательно".

Высокомерный!

Как высокомерно!

Все эти даосы Цутенбу, сидящие на бревенчатых стульях, встали!

Одагириджиро явно унижает общину Цутен Будо!

Как ты можешь терпеть этот гнев?

Хон Шаогон холодно посмотрел на Одагириджиро и сказал: "Я скажу тебе кулаками, что ты должен быть осторожен".

Одагириджиро холодно улыбнулся, не посадив Хон Шаогона в глаза.

.....

В жилом здании недалеко от площади Цзянь-Ань.

"Двенадцать минут третьего, двенадцать минут третьего! Посмотрите, какая суeta на площади! Люди, наверное, теряют веру в Цзи Фа, когда он уже не ходит на площадь Цзянь-ан!"

Dream Morning", который был очень хорошо осведомлён о новостях, взглянул на Чжи Фа, который всё ещё спал в ведре, поцарапал ему уши, нетерпеливо шагал туда-сюда и, наконец, пришёл на сторону Кошмара, держа руки на груди и бедрах Кошмара, и с небольшим усилием сел на живот Кошмара.

Dream Morning покачала своими маленькими ягодицами, раскачивая ногами, когда она сидела на верёвке, лежащей на веревке, и ворчала раздражённо. "Почему этот парень Кифа еще не проснулся? Какое разочарование так разочаровывает!"

Сердце мечты взглянуло на Мэн Чена, который относился к кошмару как к раскачивающейся доске, а затем беспомощно сказал в кошмаре: "Ты просто делаешь так, чтобы испортить эту девушку". Она даже не воспринимает тебя сейчас всерьёз".

На лице Кошмара не появилось ненужного выражения, но он просто спокойно посмотрел в сторону лица Мен Чена, избалованный взгляд, пробирающийся сквозь глубины его глаз. Он был готов сделать что угодно для Менг Чена до тех пор, пока он был готов сделать это.

"Который час."

В это время внезапно прозвучал немного смущенный голос.

Две сестры, Мэн Синь и Мэн Чэнь, сначала испугались, а затем яростно бросили глаза на ведро с водой.

Чжи Фа в ведре с водой увидел странные взгляды двух сестер и приподнял брови: "Что случилось? Я долго спал? И который час? Насколько я помню, у меня, кажется, есть еще одна игра".

(Конец главы)

<http://tl.rulate.ru/book/40231/951065>